

18+
Глеб Зайцев

Брачный контракт дракона. Пункт 14

Глеб Зайцев

Брачный контракт дракона. Пункт 14

<https://litres.ru/74589043>

ISBN 9785007140140

Аннотация

Вера приходит в себя в теле девушки, связанной древним брачным договором с драконом. Пункт 14 обещает через год отнять у неё имя, имущество, голос и право уйти. Чтобы сохранить себя, Вере придётся разобраться в магических условиях контракта, найти союзников среди тех, кому запретили собственные имена, и заставить могущественного жениха признать: истинный союз невозможен без свободного выбора.

Содержание

Глава первая. Пункт 14	5
Глава вторая. Протокол разногласий	10
Глава третья. Книга Договоров	15
Глава четвёртая. Досудебная работа	21
Глава пятая. Куда делась Тея	26
Глава шестая. Хранитель	31
Глава седьмая. Два договора	36
Глава восьмая. Сорок один пункт	43
Глава девятая. Будущие поступления	50
Глава десятая. Условия перевозки	57
Глава одиннадцатая. Соль	65
Глава двенадцатая. Общий язык	71
Глава тринадцатая. Девятое письмо	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Брачный контракт дракона. Пункт 14

Глеб Зайцев

© Глеб Зайцев, 2026

ISBN 978-5-0071-4014-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Пункт 14

Вера Полунина одиннадцать лет читала договоры и точно знала, где в них прячут главное.

Главное прячут не в начале. В начале пишут красиво: «стороны, действуя добросовестно и разумно». Главное прячут в середине, в пункте, который начинается со слов «в случае наступления обстоятельств», и в конце, в разделе «прочие условия», куда никто не долистывает, потому что к этому моменту уже хочется подписать хоть что-нибудь.

Поэтому, когда ей на колени положили свиток и сказали «подпишите», Вера сделала то, что делала одиннадцать лет.

Она начала читать.

— Госпожа, — сказал жрец. — Это формальность.

— Все так говорят, — сказала Вера, не поднимая головы.

Она сидела на каменной скамье в круглом зале с высоким потолком, в чужом платье, которое ей выдали час назад, и ещё не разобралась, где находится и как сюда попала. Последнее, что она помнила отчётливо, — вечер пятницы, офис, тридцать восьмая страница договора поставки и мысль «допишу и поеду».

Дальше было падение, трава и люди в чём-то среднем между мантией и форменным мундиром, которые обрадовались ей так, как в её жизни не радовался никто.

«Истинная!» — сказали они.

«Наконец-то», — сказали они.

И повели в зал, где на возвышении стоял мужчина, при взгляде на которого Вера впервые за одиннадцать лет забыла, на каком она пункте.

Он был высокий, темноволосый, с неподвижным лицом и глазами такого цвета, какого у людей не бывает — расплавленная бронза с вертикальным зрачком. Он смотрел на неё, не отрываясь, с того момента, как она вошла, и Вера очень чётко понимала две вещи: что на неё никогда в жизни так не смотрели и что от этого взгляда у неё почему-то дрожат пальцы.

Это было крайне непрофессионально.

— Прочитайте вслух, — сказал он.

Голос у него был низкий и абсолютно спокойный.

Жрец дёрнулся.

— Ваша светлость, обряд...

— Она хочет читать, — сказал мужчина. — Пусть читает.

У нас есть время.

И Вера начала читать.

«Договор о признании истинной пары.

1. Стороны: Аргант из рода Драххен, владетель Северных Пределов (далее — Дракон), и Вера Полунина, признанная истинной (далее — Истинная).

2. Настоящим удостоверяется факт совпадения сущностей, установленный Храмом...»

Она читала быстро, как читают профессионалы: глазами

по диагонали, цепляясь за глаголы «обязуется», «вправе», «утрачивает».

Пункты с третьего по девятый были нормальными. Даже щедрыми: содержание, защита, доля в имуществе, право свободного перемещения.

На десятом Вера замедлилась.

На четырнадцатом остановилась совсем.

Она прочитала его один раз. Потом второй. Потом подняла голову.

— Что такое «утрата поименования»? — спросила она.

В зале стало очень тихо.

— Это формальность, — сказал жрец.

— Это второй раз, когда вы говорите слово «формальность», — сказала Вера. — В моей практике это означает, что сейчас будет дорого. Что такое утрата поименования?

Аргант из рода Драххен смотрел на неё, и что-то в его лице изменилось — впервые за час.

— Прочитайте пункт целиком, — сказал он.

Вера прочитала вслух:

«14. По истечении одного года с момента заключения настоящего Договора Истинная утрачивает поименование и впредь именуется по имени Дракона. Прежнее имя Истинной исключается из всех записей Храма, родовых книг и памяти Договора. Утрата поименования необратима и не требует отдельного согласия сторон».

Она опустила свиток.

— Итак, — сказала Вера. — Давайте разберём по частям. «Утрачивает поименование» — то есть через год меня перестают звать Верой Полуниной.

— Вы становитесь Верой из рода Драххен, — быстро сказал жрец. — Это честь.

— Стоп. — Вера подняла палец. — Тут не написано «становитесь». Тут написано «утрачивает» и «именуется по имени Дракона». Это разные конструкции. «Становиться» — это приобретение. «Утрачивать» — это лишение. В юридическом тексте так не путают, если не хотят запутать.

Жрец открыл рот.

— Дальше, — сказала Вера. — «Прежнее имя исключается из всех записей Храма, родовых книг и памяти Договора». Что такое память Договора?

— Это... — жрец обернулся на Арганта. — Ваша светлость...

— Отвечайте ей, — сказал дракон.

Жрец сглотнул.

— Память Договора — это то, чем Договор помнит стороны, — сказал он. — Каждый Договор живой. Он знает, кто его заключил.

— То есть, — медленно сказала Вера, — если моё имя исключается из памяти Договора, то Договор перестаёт знать, что я — это я.

— Формально...

— А неформально, — сказала Вера, — через год этот до-

кумент будет заключён между Аргантом из рода Драххен и некой безымянной женщиной, которую зовут так же, как его. И если у меня возникнет спор по пунктам с третьего по девятый — по содержанию, по имуществу, по свободе перемещения, — то заявлять требования будет некому. Потому что стороны по имени Вера Полунина в договоре больше нет.

В зале было слышно, как капает вода где-то в дальнем углу.

— Сколько женщин это подписали? — спросила Вера.

Жрец молчал.

— Сколько?

— За четыреста лет — двести шестнадцать, — сказал Аргант.

Вера повернулась к нему.

— И сколько из них дочитали до четырнадцатого пункта?

Дракон очень долго молчал.

— Вы первая, — сказал он.

Глава вторая.

Протокол разногласий

— Вы первая, — сказал Аргант.

Вера аккуратно свернула свиток и положила его на скамью рядом с собой.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда давайте так. Я не подписываю.

Жрец издал звук, который в её мире издавали клиенты, когда узнавали цену.

— Госпожа! Истинность нельзя отменить, она уже установлена!

— Я и не отменяю истинность, — сказала Вера. — Я отказываюсь подписывать конкретный документ. Это разные вещи. Факт существует сам по себе, договор — это то, как стороны договорились его оформить. Если условия меня не устраивают, я не подписываю условия. Факт от этого никуда не денется.

— Но так не бывает!

— Так бывает каждый день, — сказала Вера. — Я одиннадцать лет этим занималась.

Она встала. Платье оказалось длиннее, чем она рассчитывала, и это слегка испортило эффект.

— Теперь по существу. — Она посмотрела на Арганта.

— Я готова обсуждать. Мне нужен протокол разногласий по четырнадцатому пункту. Вы понимаете, что это?

— Нет, — сказал дракон.

— Это документ, где я пишу, что именно меня не устраивает и какую формулировку предлагаю взамен. Вы либо соглашаетесь, либо возражаете. Всё, о чём договорились, становится частью договора. Всё, о чём не договорились, остаётся спором.

Аргант из рода Драххен медленно сошёл с возвышения.

Вблизи он оказался ещё выше, и Вера в очередной раз отметила, насколько неудобно вести переговоры, когда у противоположной стороны такие глаза.

— Госпожа Полунина, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы понимали одну вещь. Четырнадцатый пункт вписал не я.

— А кто?

— Он был в договоре всегда. Четыреста лет. Ни один владелец Северных Пределов его не составлял — мы получаем форму из Храма.

Вера повернулась к жрецу.

— Кто утверждает форму?

— Совет Храма, — сказал жрец. — Форма неизменна с основания.

— То есть, — сказала Вера, — вы четыреста лет даёте людям на подпись типовой договор, который никто не читает, и никто из вас не знает, кто написал в нём ключевой пункт.

Она потёрла переносицу.

— Знаете, это даже не злой умысел. Это хуже. Это просто никем не пересмотренный шаблон.

Она подняла свиток снова.

— Ладно. Посмотрим, что ещё тут есть.

Она села обратно на скамью, расправила свиток на коленях и достала — вернее, попыталась достать — ручку, которой, разумеется, не было.

— Мне нужно чем-то писать, — сказала она. — И чистый лист. Много чистых листов.

Через минуту перед ней стоял мальчик-послушник с чернильницей, стопкой бумаги и пером, которым Вера не умела пользоваться, но разобралась за три попытки.

Она читала ещё сорок минут. В зале стояла тишина; жрец несколько раз пытался заговорить, и каждый раз Аргант поднимал руку.

Наконец Вера подняла голову.

— Так, — сказала она. — Помимо четырнадцатого пункта у меня вопросы к шестому, одиннадцатому и двадцать третьему.

— Двадцать третьего нет, — сказал жрец. — В договоре двадцать два пункта.

— В договоре двадцать три пункта, — сказала Вера. — Двадцать третий написан на обороте последнего листа, поперёк, мелко, и начинается словами «настоящим Истинная подтверждает своё ознакомление».

Она развернула свиток обратной стороной.

Жрец побледнел.

— Прочитать? — спросила Вера.

Аргант молча кивнул.

«23. Настоящим Истинная подтверждает своё ознакомление с полным текстом Договора и отказывается от права оспаривать любой его пункт по основанию неознакомления. Стороны согласились, что молчание Истинной при прочтении обряда означает полное согласие».

Вера положила свиток.

— Вот теперь мне действительно интересно, — сказала она.

— Почему?

— Потому что двадцать третий пункт — это не шаблон, — сказала она. — Шаблоны не пишут поперёк на обороте. Поперёк на обороте пишут тогда, когда пункт добавили позже и не хотели переверстывать весь документ. Кто-то дописал его в живой договор. И этот кто-то очень хорошо понимал, что делает.

Она посмотрела на жреца.

— Скажите честно. За четыреста лет хоть одна из двухсот шестнадцати пыталась оспорить четырнадцатый пункт?

— Не знаю, — сказал жрец. — Я служу двенадцать лет.

— А кто знает?

— Книга Договоров, — сказал Аргант. — Она в Храме. В ней записаны все двести шестнадцать.

Вера встала и отряхнула чужое платье.

— Отлично, — сказала она. — Тогда наш первый шаг — Книга Договоров. Я хочу увидеть, был ли хоть один спор и чем он кончился.

— Госпожа Полунина. — Аргант смотрел на неё сверху вниз, и в его нечеловеческих глазах было что-то, чего Вера не могла прочесть. — Вы понимаете, что ваш отказ подписать ставит меня в положение, в котором ни один владетель Северных Пределов не был?

— Понимаю, — сказала Вера. — И, честно говоря, мне вас немного жаль. Но я одиннадцать лет объясняю людям одну вещь, и сейчас объясню её вам.

Она подняла на него глаза.

— Если вторая сторона не читает договор, это не выгода. Это отложенная проблема. Она обязательно вернётся — просто в тот момент, когда будет дороже всего.

Глава третья. Книга Договоров

Книга Договоров лежала в нижнем зале Храма, на каменной подставке, и была размером с дверь.

Вера обошла её кругом.

— Двести шестнадцать записей за четыреста лет, — сказала она. — Это одна запись меньше чем в два года. Негусто.

— Истинных находят редко, — сказал Аргант.

Он пришёл с ней. Вера не просила — просто когда она направилась к выходу, он пошёл следом, и жрец не посмел возразить.

— Кто ведёт записи?

— Храм.

— А кто конкретно?

Аргант помолчал.

— Раньше — хранитель. Последний умер восемь лет назад, нового не назначили. Сейчас книгу открывают только на обрядах.

Вера кивнула. Эту песню она тоже слышала: должность упразднили, обязанности размазали, документы ведутся «по факту».

Она открыла книгу на последней записи.

«Двести шестнадцатая. Мирна, признанная истинной. Договор заключён. Обряд совершён. Поименование утрачено в срок».

Дата — четыре года назад.

Вера перелистнула назад.

«Двести пятнадцатая. Ланна... Договор заключён.

Поименование утрачено в срок».

«Двести четырнадцатая. Иса... утрачено в срок».

Она листала, и записи шли одинаковые, как строчки в реестре: имя, «договор заключён», «поименование утрачено в срок».

На сто девяносто седьмой Вера остановилась.

«Сто девяносто седьмая. Аглая, признанная истинной. Договор заключён. Поименование утрачено досрочно по требованию Храма».

— Досрочно, — сказала Вера. — По требованию Храма.

Аргант наклонился над страницей.

— Я не знал, что так бывает.

— Судя по формулировке, это было один раз. — Вера провела пальцем по строке. — И смотрите: тут нет слова «в срок». Значит, писавший понимал разницу и специально её отметил. Это не небрежность. Это отчёт.

Она листала дальше — назад, вглубь.

Сто пятьдесят, сто двадцать, девяносто. Одинаковые строки.

И на сорок третьей записи Вера вдруг остановилась так резко, что Аргант посмотрел на неё.

«Сорок третья. Тея, признанная истинной. Договор НЕ заключён. Истинная оспорила пункт четырнадца-

тый. Спор рассмотрен Советом. Решение: отказать. Истинная отбыла».

Вера читала эту строчку долго.

— Была, — сказала она наконец. — Одна была. Триста лет назад.

— «Истинная отбыла», — прочитал Аргант. — Куда?

— Хороший вопрос. — Вера перелистнула вперёд. — Сорок четвёртая запись — через одиннадцать лет. Одиннадцать лет без единой истинной. При среднем интервале меньше двух.

Она подняла голову.

— Аргант. Что происходит с драконом, чья истинная не подписала договор?

Он долго молчал.

— Не знаю, — сказал он. — Такого не было при моей жизни и при жизни моего отца.

— А что говорят?

— Говорят, что дракон без договора истаивает, — сказал он ровно. — Медленно. За несколько лет.

Вера очень аккуратно закрыла книгу.

— Понятно, — сказала она.

— Что вам понятно?

— Мне понятно, почему двести шестнадцать женщин подписали не глядя. — Вера повернулась к нему. — Потому что каждой из них до обряда объяснили, что если она не подпишет, её дракон умрёт. Я права?

Аргант не ответил, и это было ответом.

— Так вот. — Вера скрестила руки. — Это называется «понуждение к сделке». В моём мире такие договоры признают недействительными — не потому, что условия плохие, а потому, что у стороны не было выбора. Когда человеку говорят «подпиши или он умрёт», человек подписывает что угодно, включая четырнадцатый пункт, который он не читал.

— Но это правда, — сказал Аргант. — Я действительно истаю.

— Это вам сказал Храм?

Пауза.

— Да.

— А Храм это откуда знает?

Аргант из рода Драххен открыл рот — и остановился.

Вера видела по его лицу, как он проходит тот же путь, который она проходила с клиентами сотни раз: от «это же очевидно» до «а почему, собственно, я в этом уверен».

— Из Книги, — сказал он наконец. — Так написано в Книге Договоров, в предисловии.

— То есть Храм ссылается на документ, который сам же и ведёт, — сказала Вера. — И в этом документе за четыреста лет ровно один случай отказа, после которого одиннадцать лет не было ни одной истинной, и куда делась та женщина — не записано.

Она подошла к книге и снова открыла её на сорок третьей записи.

— Аргант, я не говорю, что вас обманывают. Я говорю, что я не вижу доказательств. А я не подписываю то, чего не вижу.

— Вы рискуете моей жизнью.

— Я рискую своим именем, — сказала Вера. — Это, между прочим, единственное, что у меня здесь есть.

Она посмотрела на него, и голос у неё чуть смягчился — совсем чуть-чуть, и она сама на себя за это разозлилась.

— Давайте так. Я не отказываюсь от вас. Я отказываюсь от четырнадцатого пункта. Дайте мне месяц. Я найду, что случилось с Теей, и если окажется, что вы истаиваете, — я подпишу. Со всеми пунктами, хоть с тридцатью.

— А если окажется, что нет?

— Тогда, — сказала Вера, — мы с вами перепишем эту форму. И следующие двести шестнадцать женщин будут подписывать нормальный договор.

Аргант смотрел на неё сверху вниз своими расплавленными глазами, и Вера вдруг с неудовольствием поняла, что за весь разговор ни разу не подумала о том, как отсюда вернуться домой.

— Месяц, — сказал он.

— Месяц.

— Госпожа Полунина. — Он помолчал. — Как вас зовуте, кто хорошо вас знает?

— Вера.

— Вера, — повторил Аргант из рода Драххен, и от того,

как он это сказал, у неё снова задрожали пальцы. — Я даю вам месяц. Но я хочу, чтобы вы знали: я не подпишу договор, в котором вы теряете имя. Даже если вы согласитесь.

Он развернулся и пошёл к выходу.

— Подождите, — сказала Вера ему в спину. — А почему?

Аргант остановился в дверях.

— Потому что я четыреста лет читаю эту форму на обрядах вслух, — сказал он. — И за четыреста лет вы первая, кто спросил, что значит четырнадцатый пункт. Мне было интересно, что будет, если однажды кто-нибудь спросит.

Он вышел.

Вера постояла ещё немного, потом посмотрела на огромную книгу и сказала вслух, в пустой зал:

— Четыреста лет?

Ей никто не ответил.

Глава четвёртая.

Досудебная работа

Комнату Вере выделили в северной башне замка Драххен — три окна, кровать под балдахином и вид на горы, от которого на второй день начинало щемить в груди.

На третий день она поняла, что ей нужен помощник.

Помощника звали Кир, ему было шестнадцать, он служил в Храме послушником и попал к ней потому, что был единственным, кто не побоялся.

— Меня приставили за вами следить, — честно сказал он в первый день.

— Отлично, — сказала Вера. — Значит, будешь следить и носить бумаги. Совмещение должностей, у нас так все работают.

Кир оказался умным. К концу недели он уже понимал, что такое «выписка», «сопоставление» и «противоречие в источниках», и разбирал храмовые свитки быстрее, чем сама Вера, потому что умел читать местную скоропись.

Они работали в нижнем зале, за столом, который Вера потребовала притащить к Книге Договоров.

— Итак, — сказала она на седьмой день, раскладывая листы. — Что мы имеем.

Она загнула первый палец.

— Первое. Тея, сорок третья истинная, отказалась подписывать триста восемь лет назад. Совет Храма отказал ей в споре. Дальше запись обрывается: «истинная отбыла».

Второй палец.

— Второе. Её дракон — Вестар из рода Драххен, прапрадед Арганта. Мы нашли его в родовых книгах. Он умер через двадцать шесть лет после того, как Тея «отбыла».

Кир поднял голову.

— Двадцать шесть лет, — повторил он.

— Двадцать шесть, — сказала Вера. — А нам говорят, что дракон без договора истаивает за несколько лет.

— Может, он поэтому и умер? Просто медленно?

— Может, — согласилась Вера. — А может, он умер потому, что ему было четыреста тридцать лет. Мы не знаем, и Храм тоже не знает, а говорит так, будто знает. Это первое противоречие.

Она загнула третий палец.

— Третье и самое интересное. Я сверила записи в Книге Договоров с родовыми книгами. Даты заключения договоров совпадают везде. Но даты утраты поименования — нет.

Кир нахмурился.

— Как это?

— В Книге Договоров написано «поименование утрачено в срок», то есть через год. — Вера придвинула лист. — А в родовых книгах жён Драххенов начинают записывать под именем мужа не через год. Смотри: Мирна — через год и

два месяца. Ланна — через десять месяцев. Иса — через год и семь.

— Ну, писали когда придётся.

— Родовые книги ведут точно, — сказала Вера. — Там дни рождения детей проставлены с точностью до часа. — Она постучала пером по листу. — А теперь смотри на пятерых.

Она выложила отдельный ряд.

— Аглая — «утрачено досрочно по требованию Храма», через четыре месяца. Нира — через пять. Сата — через три. Ольма — через пять. Веста — через два.

— Но в Книге Договоров у них написано «в срок», — медленно сказал Кир.

— У четверых из пяти — «в срок», — сказала Вера. — Только у Аглаи честно написано «досрочно». Остальным Храм поставил «в срок», хотя по родовым книгам они потеряли имена за два-пять месяцев.

Она откинулась на спинку.

— Кир, я одиннадцать лет читала договоры. Знаешь, что это такое, когда в одном документе стоит одно, а в другом — другое, и расхождение всегда в одну сторону?

— Ошибка?

— Ошибки случайны, — сказала Вера. — Они идут в обе стороны. А тут все пять расхождений — в сторону «раньше». Это не ошибка. Это подчистка.

Кир очень тихо положил перо.

— Госпожа Вера. Если это правда...

— Если это правда, то Храм как минимум пять раз забирал имя досрочно и записывал это как «в срок», — сказала Вера. — И вопрос, который меня интересует, только один: зачем.

Она встала и подошла к Книге.

— Смотри, что мы знаем про эти пять. — Она листала, сверяясь со своими записями. — Аглая — дочь владельца Восточных Пределов. Нира — единственная наследница рода Сатт. Сата — сестра храмового советника. Олма — вдова с правом на землю. Веста — дочь казначея.

Она обернулась.

— Все пятеро — женщины с собственностью или с положением. Все пятеро потеряли имена досрочно.

— А имя — это...

— А имя — это то, на кого записана собственность, — сказала Вера. — Кир, я, кажется, поняла, что такое четырнадцатый пункт.

Она вернулась к столу и села.

— Это не про любовь и не про традицию. Это механизм. Пока женщина зовётся своим именем, у неё есть всё, что на это имя записано: земля, доля, право требования. Когда имя исключается из всех записей — из Храма, из родовых книг и из памяти Договора, — исчезает и то, что за ним стояло. Не переходит к мужу. Просто перестаёт быть чьим-то.

— И кому оно достаётся? — тихо спросил Кир.

— Тому, кто ведёт записи, — сказала Вера.

В нижнем зале было холодно, и от Книги Договоров пахло пылью и чем-то кислым, вроде уксуса.

— Нам нужны две вещи, — сказала Вера, придвигая чистый лист. — Первая: что стало с собственностью этих пяти. Второе: куда делась Тея.

— А если Тея просто уехала?

— Тогда где-то есть запись, — сказала Вера. — Люди не растворяются, Кир. Они оставляют бумажный след: подорожные, пошлины, записи на постоянных дворах. Триста лет — много, но Храм не выбрасывает свитки, я видела подвал. Она начала писать список.

— И третье, — сказала она, не поднимая головы. — Мне нужно поговорить с Аргантом. Без жреца.

— Зачем?

Вера остановилась.

— Затем, что если я права, то четыреста лет подряд драконов использовали как повод, — сказала она. — Каждой женщине говорили: подпиши, иначе он умрёт. А ему говорили: она должна подписать, иначе ты умрёшь.

Она снова взялась за перо.

— И ни один из них ни разу не спросил, откуда это известно.

Глава пятая. Куда делась Тея

Свиток нашёлся на одиннадцатый день.

Подвал Храма был устроен так, как устроены все подвалы всех архивов мира: по стеллажу на десятилетие, по ящику на год, и полное отсутствие описи за пределами последних сорока лет.

Кир разбирал сто девятый год Договора снизу, Вера — сверху, и на четвёртый час Кир сказал:

— Госпожа Вера. Тут подорожные.

Подорожные — листы с печатью Храма, по которым выдавали лошадей и ночлег. Их выписывали всем, кто ехал по храмовым делам.

Вера перебирала их полчаса. И нашла.

«Выдано: Тее, признанной истинной, для следования до Восточных Пределов. Сопровождение: двое послушников. Основание: решение Совета от 14 дня месяца Листопада».

— Она не отбыла, — сказала Вера. — Её отвезли.

— Может, она сама попросила?

— С двумя сопровождающими и по решению Совета? —

Вера подняла лист. — Кир, когда человек уезжает сам, он берёт подорожную на своё имя и едет куда хочет. А когда его везут по решению Совета, это называется по-другому.

Она сложила лист и убрала.

— Ищем дальше. Если её везли в Восточные Пределы, должна быть вторая запись — о прибытии.

Записи о прибытии не было.

Зато на следующий день, в ящике сто десятого года Договора, Кир нашёл другое: расходную ведомость Храма.

«На содержание Т., находящейся под опекой Храма, — двенадцать серебряных в год».

И такая же строка в сто одиннадцатом. И в сто двенадцатом.

Вера листала ведомости молча, год за годом, и записи шли — одинаковые, ровные, как дыхание.

Сто двадцатый. Сто тридцатый. Сто сороковой.

— Сколько лет живут истинные? — спросила она.

— Как все, — сказал Кир. — Лет семьдесят-восемьдесят.

Вера дошла до сто восемьдесят пятого года и остановилась.

«На содержание Т., находящейся под опекой Храма, — двенадцать серебряных в год».

Она перевернула страницу. Сто восемьдесят шестой. Та же строка.

— Кир, — сказала Вера очень ровно. — Какой сейчас год?

— Четыреста семнадцатый.

Она долистала до конца ящика. Потом взяла следующий. Потом следующий.

Строка «на содержание Т.» шла через все ведомости — без перерывов, без изменения суммы — до последней под-

штой ведомости за прошлый год.

Вера положила стопку на стол и села.

— Триста семь лет, — сказала она.

— Что?

— Тея отказалась подписать договор триста восемь лет назад. Ей было, допустим, двадцать. — Вера считала вслух. — Значит, сейчас ей триста двадцать восемь. И Храм всё ещё платит двенадцать серебряных в год на её содержание.

Кир смотрел на неё, и до него доходило медленно, как доходит до человека, выросшего в вере, что всё устроено правильно.

— Она жива, — сказал он.

— Она где-то есть, — поправила Вера. — «Жива» — это другое слово, и я пока не знаю, подходит ли оно.

Она встала и начала собирать листы.

— Кир. Кому подаются эти ведомости?

— Совету Храма.

— А кто их подписывает?

Мальчик посмотрел на последнюю страницу.

— Казначей, — сказал он. — И... — он запнулся.

— И?

— И тут вторая подпись, — сказал Кир. — Вот. Совсем маленькая, в углу. «Хр.»

Вера взяла лист и поднесла к свече.

В нижнем углу, там, где обычно ставят отметку о сверке, стояли две буквы и росчерк.

— «Хр.» — это хранитель, — сказал Кир. — Хранитель Книги Договоров.

— Который умер восемь лет назад, и нового не назначили, — сказала Вера. — Так мне сказал Аргант.

Она посмотрела на дату ведомости.

Прошлый год.

— Кир, — сказала она. — Эту ведомость подписали в прошлом году. Через семь лет после смерти последнего хранителя.

В подвале было очень тихо, только где-то капало.

— Значит, хранитель есть, — сказал Кир шёпотом.

— Значит, хранитель есть, — согласилась Вера. — И он единственный человек в Храме, который все эти годы знал, что четырнадцатый пункт делает на самом деле, и который каждый год расписывался за двенадцать серебряных по незакрытой строке женщины, отказавшейся его подписать.

Она аккуратно сложила ведомости стопкой.

— Кир, слушай меня внимательно. Сейчас ты возьмёшь эти шесть листов и отнесёшь их не в Храм, а в замок, лично Арганту. В руки. Никому больше, даже если попросит жрец.

— А вы?

— А я останусь здесь, — сказала Вера. — Потому что если в Храме есть человек, который семь лет расписывается как несуществующий хранитель, то он сюда рано или поздно спустится.

Она села на ящик и достала свой список вопросов — тот

самый, который вела с первого дня.

— И я хочу задать ему пару вопросов по существу.

Глава шестая. Хранитель

Он пришёл через два часа.

Вера слышала шаги на лестнице раньше, чем увидела свет, и успела сделать две вещи: убрать свой список в рукав и сесть так, чтобы между ней и дверью оказался стол.

Одиннадцать лет переговоров научили её, что положение в комнате — это половина разговора.

В подвал спустился старик.

Невысокий, сухой, в простой храмовой одежде без знаков. Ему можно было дать семьдесят, можно и девяносто. Он держал свечу и смотрел на Веру без всякого удивления.

— Госпожа Полунина, — сказал он. — Я вас ждал.

— Одиннадцать дней?

— Четыреста лет, — сказал старик. — Садитесь, я старый, мне стоять тяжело.

Он сел на ящик напротив и поставил свечу между ними.

— Меня зовут Иль, — сказал он. — Я хранитель Книги Договоров. Триста восемь лет.

Вера очень медленно выдохнула.

— Значит, «Хр.» — это вы.

— Это я.

— И вы не умерли восемь лет назад.

— Восемь лет назад умер послушник, которого в Храме считали хранителем, — сказал Иль. — Это была моя ошиб-

ка: я позволил ему носить это имя, потому что устал объяснять, почему хранитель не стареет. Когда он умер, стало проще: новых не назначили, и все решили, что должность упразднена.

Вера положила руки на стол.

— Господин Иль. Я задам вопросы по порядку. Не потому, что я вам не верю, а потому что я одиннадцать лет так работаю.

— Задавайте.

— Первое. Что делает четырнадцатый пункт?

Старик помолчал.

— Он забирает имя, — сказал он. — Буквально. Имя — это не слово, госпожа Полунина. Имя — это то, чем человек закреплён в мире. Пока оно есть, человек занимает место: у него есть родня, собственность, память о нём. Когда имя исключают из всех записей — из Храма, из родовых книг и из памяти Договора, — место освобождается.

— И куда девается то, что там было?

— Никуда, — сказал Иль. — Оно остаётся. Просто оно больше ничьё. И тогда его можно записать заново — на кого угодно.

Вера почувствовала, как у неё холодеют пальцы, но голос остался ровным.

— Второе. Кому за четыреста лет записали то, что освободилось после двухсот шестнадцати женщин?

— Храму, — сказал старик. — Целиком. Земли, доли,

права требования, родовые доходы. Всё, что стояло за двумястами шестнадцатью именами.

— Третье. Дракон действительно истаивает, если истинная не подписывает?

Иль долго смотрел на свечу.

— Нет, — сказал он.

Вера закрыла глаза на одну секунду.

— Значит, четыреста лет вы говорили женщинам, что от их подписи зависит чужая жизнь, и это было неправдой.

— Это было неправдой, — сказал хранитель. — Я говорил это двести шестнадцать раз.

— Зачем?

— Потому что первый раз это сказал не я, — сказал Иль.

— Я принял это как данность от предшественника, как принимают форму договора. А когда понял, что это ложь, было уже сто лет как поздно: на этой лжи стояли все земли Храма, все больницы, все дороги, вся наша работа. Отменить пункт — значит признать, что двести лет мы брали чужое. Храм бы не пережил.

— И вы решили, что двести шестнадцать женщин переживут.

— Я решил, что они не узнают, — сказал старик. — Это хуже, я понимаю.

Вера достала из рукава свой список и положила на стол.

— Четвёртое. Что стало с Теей.

Иль поднял голову, и впервые за разговор в его лице что-

то дрогнуло.

— Я не знаю, жива ли она, — сказал он.

— Вы подписываете её содержание триста восемь лет и не знаете?

— Строка не доказывает, что деньги получает Тея, — сказал Иль. — Она доказывает, что Храм не может закрыть её дело.

Он сложил руки.

— Госпожа Полунина, я скажу вам то, чего не говорил никому. Когда Тея отказалась подписать, Совет постановил изъять её имя силой, без договора. Это никогда раньше не делали и не делали после. Ритуал прошёл неправильно: имя не забрали и не оставили. Оно... застряло.

— Что это значит?

— Это значит, что Книга перестала её видеть, хотя сама Тея не забыла себя, — сказал хранитель. — Мы не могли внести ни её жизнь, ни её смерть, ни новое место. Её отправили к Соль в Восточные Пределы. Первые годы деньги действительно передавали туда. Потом Соль перестала принимать, но Храм продолжил начислять двенадцать серебряных на незакрытую строку, потому что закрыть её означало бы объяснить, куда исчезло имя.

Он посмотрел Вере в глаза.

— Я хранитель триста восемь лет по той же причине. Я участвовал в изъятии её имени и подписал бумагу. Моё собственное имя стёрлось наполовину — ровно настолько, что-

бы я перестал стареть и не смог уйти.

В подвале капало.

Вера очень аккуратно свернула свой список.

— Тогда пятое, и последнее, — сказала она. — Зачем вы мне всё это рассказали?

Старик усмехнулся, и усмешка у него оказалась неожиданно человеческая.

— Потому что вы первая за четыреста лет, кто дочитал до четырнадцатого пункта, — сказал Иль. — И потому что я триста восемь лет жду человека, который придёт не с гневом, а со списком вопросов.

Он встал.

— Вы юрист, госпожа Полунина. Скажите мне как юрист: договор, заключённый двести шестнадцать раз под угрозой чужой смерти, которой не существовало, — он действителен?

— Нет, — сказала Вера.

— А что с ним делают?

— Признают ничтожным, — сказала она. — Все двести шестнадцать. И возвращают стороны в первоначальное положение.

Иль кивнул.

— Вот за этим я вам всё и рассказал, — сказал хранитель Книги Договоров. — Я не знаю, как это делается. Я знаю только, как забирать.

Глава седьмая. Два договора

Аргант спустился в подвал без плаща и без оружия.

Вера заметила это потому, что всё остальное в нём было как обычно: прямая спина, спокойное лицо и глаза цвета расплавленной бронзы, от которых ей становилось трудно помнить, зачем люди вообще придумали деловой тон.

Кир шёл следом и прижимал к груди шесть ведомостей.

— Я отдал в руки, — сообщил он. — Как вы велели.

— Молодец. Теперь наверх.

Мальчик посмотрел на старика напротив Веры, на Арганта и исчез с такой скоростью, какую обычно показывают только очень умные помощники.

Аргант перевёл взгляд на Иля.

— Вы умерли восемь лет назад.

— Это был удобный слух, — сказал хранитель.

— Для кого?

— Для меня.

Аргант сделал шаг вперёд.

Вера встала между ними прежде, чем успела решить, хорошая ли это мысль. Аргант остановился сразу. Не потому, что не мог обойти, — подвал был тесный, но не настолько, — а потому, что она подняла ладонь.

Это ей понравилось больше, чем следовало.

— Он признал, что Храм забирал имущество женщин по-

сле утраты имени, — сказала Вера. — И что драконы не питаются без подписанного брачного договора.

Аргант не посмотрел на неё.

— Я слышал.

— Откуда?

— Вы говорите громче, когда злитесь.

— Я не злюсь.

— Каменная лестница с вами не согласна.

Иль опустил глаза. Вера не сразу поняла, что старик прячет улыбку.

— Хорошо, — сказала она. — Я злюсь. Это ничего не меняет.

— Меняет, — ответил Аргант. — Когда вы злитесь, вы забываете есть.

Он поставил на край стола свёрток. От него пахло горячим хлебом и сыром.

Вера посмотрела на свёрток, потом на дракона.

— Вы принесли еду на допрос?

— Я принёс еду вам. Его можете допрашивать без еды.

Иль кашлянул.

— Если позволите, госпожа Полунина, я предпочёл бы тоже получить хлеб.

— Ответите ещё на два вопроса — получите половину.

— Вера, — сказал Аргант.

— Треть.

Она села и придвинула к себе чистый лист.

— Итак. У нас есть брачный договор истинной пары. Двадцать три пункта. Четырнадцатый забирает имя, двадцать третий заранее объявляет, что молчание означает согласие. Храм составляет форму, проводит обряд, ведёт Книгу и получает имущество, которое становится ничьим. Всё верно?

— Верно, — сказал Иль.

— Кто может отменить форму?

— Совет Храма.

— Который живёт на доходы от этой формы.

— Да.

— Кто рассматривает спор с Храмом?

Иль молчал.

— Совет Храма, — сказала Вера за него. — Прекрасно. Замкнутая система. Они пишут правило, толкуют правило, получают выгоду от правила и решают, законно ли правило.

Аргант взял ведомость и долго смотрел на две подписи внизу.

— Здесь стоит печать моего рода.

— На каждой, — сказал Иль.

Аргант поднял голову.

— Драххены знали?

— Драххены подтверждали, что земли больше не принадлежат прежнему имени. Кому они достанутся после этого, им не сообщали.

— Но печать ставили.

— Ставили.

В подвале стало заметно холоднее.

Вера уже видела такое молчание. Не у драконов — у директоров, обнаруживших, что их подпись стоит под тем, чего они никогда не читали. Обычно после этого человек либо искал виноватого пониже, либо впервые начинал задавать правильные вопросы.

Аргант положил ведомость обратно.

— Моя подпись тоже есть?

Иль кивнул на пятый лист.

Аргант нашёл её сразу.

Вера не стала говорить, что он не мог знать. Сейчас это прозвучало бы как утешение, а утешение — это иногда самый вежливый способ отнять у человека ответственность.

— Что нужно сделать, чтобы вернуть имущество? — спросил он.

Вера посмотрела на него внимательнее.

Не «как доказать, что меня обманули». Не «кто виноват». Вернуть.

— Сначала определить, кто обязан вернуть, — сказала она. — Потом — на каком основании. Но у нас проблема: брачный договор устроен так, что спорить с ним можно только внутри Храма.

— Значит, выхода нет?

— Значит, я пока его не вижу. Это разные вещи.

Она разломила хлеб на три части. Илю досталась самая маленькая.

— Теперь второй вопрос. На каком основании Храм вообще хранит ваши договоры и подтверждает переход земель?

— На основании Договора Предгорья, — сказал Аргант. Перо Веры остановилось.

— Какого ещё договора?

Аргант и Иль переглянулись.

— Того, по которому род Драххен держит перевалы, а люди Предгорья снабжают крепости, — сказал Аргант. — Он заключён после Войны двух зим. Храм в нём свидетель и хранитель.

— Стороны?

— Мой род и люди Предгорья.

— Храм не сторона?

— Нет.

Вера медленно отложила хлеб.

— А право толковать договор у Храма есть?

— Он хранитель, — сказал Аргант, словно этого было достаточно.

— Я спросила не кем он называется. Я спросила, что ему разрешено делать.

Аргант нахмурился.

— Договор у вас есть? — спросила Вера.

— Копия — в родовом хранилище.

— Сколько пунктов?

— Сорок один.

— Вы его читали?

— Нас заставляют учить его до первого полёта.

— Целиком?

— Целиком.

Вера повернулась к Илю.

— А человеческая сторона тоже учит его целиком?

Хранитель смотрел на хлеб в своей руке.

— Не знаю.

— Вы столько лет ведёте Книгу и не знаете?

— Я знаю, что Храм читает договор старостам. Чему учат в Предгорье, я не спрашивал.

— Конечно, — сказала Вера. — Зачем спрашивать вторую сторону, знает ли она собственный договор.

Она встала.

— Мне нужна ваша копия. И человеческая. И все приложения, даже если кто-нибудь скажет, что они церемониальные, устарели или лежат не в том сундуке.

— Зачем? — спросил Аргант.

Вера свернула ведомости в одну стопку.

— Потому что брачный договор даёт Храму деньги, но власть Храму даёт другой документ. Если в Договоре Предгорья нет права единолично толковать условия, Храм четырёхсот лет делал не то, что ему разрешили, а то, что ему позволяли делать по привычке.

— И тогда?

— Тогда мы не просим Совет отменить правило, на котором он богатеет. Мы возвращаем толкование тем, кто дей-

ствительно подписал договор.

Аргант смотрел на неё молча.

— «Мы»? — спросил он.

Вера поняла, что сказала, и потянулась к перу, хотя писать уже было нечего.

— Это рабочее местоимение.

— Разумеется.

В его голосе ничего не изменилось, но вертикальные зрачки стали уже.

— И ещё, — сказала Вера. — Мне нужен список всех земель, которые Храм получил после утраты имён.

Иль побледнел.

— Такого списка нет.

— Есть.

— Откуда вы знаете?

— Потому что люди, которые столетиями забирают чужое имущество, могут не хранить имена прежних владельцев. Но стоимость они считают обязательно.

Она посмотрела на шкафы вдоль дальней стены.

— Вопрос только в том, как они называли этот список, чтобы никто не понял, что в нём лежит.

Глава восьмая. Сорок один пункт

Копию Договора Предгорья принесли до рассвета.

Аргант ушёл за ней сам и вернулся через два часа — с железным ларцом под мышкой, будто это была коробка с бумагами, а не вещь, которую четверо храмовых служителей обычно переносили на шестах.

— Он тяжёлый? — спросила Вера.

— Нет.

Каменная плита под его ногами треснула.

— Понятно.

Вера освободила стол. Иль стоял у двери и делал вид, что тень от шкафа совершенно случайно падает ему на лицо.

— Вы останетесь, — сказала она.

— Вы мне не доверяете.

— Наоборот. Я доверяю вашей способности вспомнить что-нибудь важное ровно после того, как мы найдём это сами.

Аргант опустил ларец на стол.

Замок открылся от прикосновения его ладони. Внутри лежал свиток в чешуйчатом футляре и тонкая книга — список на общем языке, сделанный, судя по дате, сорок лет назад.

— Оригинал? — спросила Вера.

— Оригинал хранится у Храма. У каждой стороны по заверенной копии.

— У людей тоже?

— Должна быть.

— Это не ответ.

Аргант посмотрел на неё.

— До встречи с вами мне казалось, что слово «должна» и есть ответ.

— Оно и есть. Когда к нему приложен акт приёма-передачи.

— У драконов нет актов приёма-передачи.

— Поэтому у драконов четыреста лет один и тот же договор.

Угол его рта дрогнул.

Совсем чуть-чуть, но Вера заметила. И сразу уткнулась в книгу, потому что обнаружить у дракона чувство юмора было опаснее, чем двадцать третий пункт на обороте.

Они читали по очереди.

Первые пункты определяли стороны и цель: прекратить вражду, удерживать перевалы, обеспечить торговлю и безопасность. Дальше шли обязанности.

Люди Предгорья поставляли зерно в три крепости, поддерживали мосты, предупреждали о движении войск с равнины и каждый год направляли одного человека в замок хранителя — учиться драконьему языку и вести переписку между сторонами.

— Человека, — сказала Вера.

— Да.

— Не девушку.

— Нет.

— Не невесту.

Аргант медленно повернул к ней голову.

— Вера.

— Что?

— У нас не было невест по этому договору.

Теперь настала её очередь молчать.

— Но в Книге Договоров двести шестнадцать истинных,

— сказала она.

— Это брачные договоры. Они заключаются отдельно.

— А люди Предгорья присылали невест.

— Последние двести лет — да.

— По какому основанию?

Аргант перелистнул назад, словно нужная строка могла появиться, если проверить ещё раз.

— Я не знаю.

Вера провела пальцем по пункту об ученике-переводчике.

— Кто читал договор людям?

Иль ответил не сразу.

— Храм.

— На каком языке?

— На общем.

— А оригинал?

— На храмовом и драконьем.

— То есть одна сторона не могла проверить перевод.

Иль кивнул.

Вера сделала пометку на отдельном листе: «Ученик стал невестой. Когда? Кто впервые прочитал так?»

— Продолжаем.

Драконья сторона обязалась облетать границу трижды в год, держать открытыми два перевала, приходить на помощь при пожарах и набегах, не брать скот без записи и не садиться ближе ста шагов к жилому дому без приглашения.

— Последнее соблюдается? — спросила Вера.

— После случая в Нижних Дубках — безусловно.

— Какого случая?

— Молодой дракон сел у амбара. Крыша загорелась.

— Он выдохнул огонь?

— Нет. Просто сел.

Вера записала: «сто шагов — оставить».

Пункт тридцать девятый оказался там, где Аргант помнил:

«Договор действует, доколе обе стороны исполняют существенные обязательства в полноте. Существенное неисполнение одной стороны освобождает другую после письменного уведомления и срока на исправление».

— Вот, — сказал Иль. — Основание для расторжения.

— Возможно.

Вера не любила слово «вот», если после него предлагалось простое решение сложной проблемы.

— Что значит «возможно»? — спросил Аргант.

— То, что сначала надо узнать, исполнялись ли обязательства. Если люди нарушали, драконы могли приостановить своё исполнение. Если драконы нарушали, люди могли сделать то же самое. Через четыреста лет получится не дело, а семейная ссора: каждый помнит только то, что сделал другой.

— Это не семья, — сказал Аргант.

— Именно поэтому у нас есть шанс разобраться.

Она попросила хроники пограничных вылетов. Аргант принёс три книги. Потом ещё две. К полудню на столе лежали девятнадцать отметок, когда облёта не было, мост оставался разрушенным или восточные разъезды проходили дальше условленной линии.

На другой стороне листа Вера записала двадцать три случая, когда люди не присылали зерно, закрывали переправу или встречали дракона стрелами.

Иль смотрел на два столбца.

— Девятнадцать против двадцати трёх.

— Это не счёт матча.

— Люди нарушили больше.

— Если первое нарушение было со стороны драконов, следующие могли быть ответом. Если первым нарушили люди — наоборот. Пока мы не знаем причин, числа ничего не доказывают.

Аргант перелистнул самую старую хронику.

— Здесь. Год четыреста двадцатый. Люди не направили

ученика и закрыли мост у Ветловой пади.

— Что произошло перед этим?

— За год до этого переписка прекращена.

— Кем?

— Не указано.

— А после?

Он провёл когтем по строкам.

— В четыреста двадцать первом в Восточные Пределы привезли девушку. В записи сказано: «невеста по договору».

Вера забрала книгу.

— Вот место разрыва. Сначала исчезает переписка. Потом вместо ученика появляется невеста. Потом люди закрывают мост, а драконы прекращают облёты.

— В Восточных Пределах тогда была Соль, — сказал Аргант.

Иль отступил от стола.

— Соль не разговаривает с людьми.

— Со мной будет, — сказала Вера.

— Почему вы так решили?

— Я не решила. Я поеду и проверю.

Аргант закрыл хронику.

— Полетим на рассвете.

— Я сказала «поеду».

— До Восточных Пределов два дня верхом или три часа по воздуху.

Вера представила три часа над горами, посмотрела на уз-

кие зрочки Арганта и очень спокойно сложила листы.

— Я не летаю.

— Пока нет.

— Это не приглашение к дискуссии.

— И не дискуссия. Вы сами установили срок в месяц.

Одиннадцать дней уже прошли.

Он был прав, что делало ситуацию особенно неприятной.

— У вас есть седло?

Аргант помолчал.

— Нет.

— Тогда я никуда не полечу.

— Почему?

— Потому что в договоре перевозки пассажира должна быть предусмотрена система удержания.

— Я могу удерживать вас сам.

В подвале стало тихо.

Вера посмотрела на него. Он — на неё. Иль очень медленно взял со стола пустую чернильницу и отошёл к шкафу, хотя никакой необходимости в этом не было.

— Это, — сказала Вера, — ещё хуже сформулировано, чем ваш брачный договор.

— Но понятнее.

На этот раз он улыбнулся совершенно отчётливо.

И Вера впервые подумала, что три часа могут оказаться проблемой совсем не по той причине, которой она боялась.

Глава девятая.

Будущие поступления

Список назывался «Ведомость освобождённых обязательств».

Вера нашла его через четыре часа — не в архиве договоров, а в бухгалтерии Храма, между расходами на починку северной дороги и запасами свечного воска.

— Почему здесь? — спросил Аргант.

— Потому что тот, кто спрятал список, был умнее, чем я думала.

Она положила на стол три книги одинакового размера. На корешках стояли годы, а внутри — строки: имя, дата утраты поименования, перечень имущества и новый распорядитель.

Только имён женщин не было.

Вместо них писали номера.

«Истинная 197: два виноградника, доля в речной пристани, доход с трёх лавок. Освобождено. Передано на содержание лечебницы Второго круга».

«Истинная 201: земля у Каменного брода, право на две ярмарки. Освобождено. Передано на охрану северной дороги».

«Истинная 216: наследственная доля в соляном промысле. Освобождено. Передано в распоряжение Совета».

Аргант читал стоя. В какой-то момент он положил ладонь на стол, и дерево под пальцами тихо заскрипело.

— Они действительно строили больницы, — сказал он.

— Вижу.

— И дороги.

— Вижу.

— Это ничего не меняет?

Вера закрыла первую книгу.

— Если я украду у вас золото и куплю на него лекарства, лекарства не станут украденными. Но золото не станет моим.

Иль сидел у стены. С каждым новым листом он становился как будто меньше.

— Без этих земель Храм не сможет содержать лечебницы, — сказал он.

— Тогда Храм должен заключить договор с настоящими владельцами и платить им долю. Или собрать налог по правилам. Или показать расходы и попросить пожертвование. Вариантов много. «Стереть владельца» среди них нет.

— Люди не согласятся.

— Некоторые согласятся. Некоторые нет. В этом и состоит неприятная особенность согласия: оно может не совпасть с тем, чего вы хотите.

Аргант перелистнул книгу до конца.

— Здесь только двести пятнадцать.

— Что?

— Записей двести пятнадцать. В Книге Договоров истин-

ных двести шестнадцать.

Вера придвинула ведомость и пересчитала последние номера. После двести пятнадцатого шёл лист расходов, затем новый год.

— Мирна была двести шестнадцатой, — сказал Иль. — Четыре года назад.

— Её имущество?

— У неё ничего не было. Дочь мельника, два платья и сундук.

Вера посмотрела на него.

— Тогда её всё равно должны были внести. Нулевая сумма — тоже сумма. Особенно в реестре с непрерывной нумерацией.

Она взяла книгу за следующий год. Потом ещё одну.

Записи о Мирне не было.

Зато в самой новой книге, на последних страницах, оказался раздел, которого раньше не встречалось.

«Ожидаемые освобождения».

— Это что? — спросил Аргант.

Иль не ответил.

Вера раскрыла раздел.

Строк было семь. В каждой — номер брачного договора, дата заключения, срок утраты поименования и предварительная оценка того, что должно перейти Храму.

У Мирны имелась запись. Не под номером двести шестнадцать — под названием мельницы её отца. Через три ме-

сяца после обряда старик умер, и Мирна стала наследницей. Через год её имя исчезло, а мельница перешла лечебнице.

— Вот зачем отдельный раздел, — сказала Вера. — На день свадьбы у неё ничего не было. Они ждали наследства.

Аргант взял книгу.

— Откуда Храм знал, что отец умрёт?

— Может быть, не знал. «Ожидаемое» не означает «гарантированное». Они вели прогноз.

Она перевернула страницу.

Первые шесть строк были зачёркнуты: рядом стояли даты, номера распоряжений и суммы.

Седьмая оставалась открытой.

Номер договора не был проставлен. В графе «дата заключения» стоял прочерк. В графе «срок» — «через один год после обряда».

А в графе «лицо» было написано:

«Вера Полунина, признанная истинной владетеля Северных Пределов».

Ниже перечислялось ожидаемое освобождение:

право голоса при родовой печати;

доля супруги в доходах Северных Пределов;

право наследования при отсутствии прямого потомка;

неустановленное имущество в месте прежнего пребывания.

Последняя строка была особенно аккуратной.

— Я ещё ничего не подписала, — сказала Вера.

— Вижу, — ответил Аргант.

— И вашего имущества у меня нет.

— После обряда была бы доля.

Она подняла голову.

— Вы знали?

— Что супруга владельца получает голос и доход — да.

Что Храм уже посчитал их своими — нет.

Вера перечитала запись.

— «Неустановленное имущество в месте прежнего пребывания». Они рассчитывают, что пункт действует и на мой мир.

Иль наконец заговорил:

— Книга не различает миры. Если имя записано в договоре, она видит всё, что к нему привязано.

— Счета? Квартиру?

— Я не знаю ваших слов. Но права — да.

Вера сжала край стола.

До этой минуты её прежняя жизнь существовала отдельно: офис, квартира, телефон на зарядке, чашка на столе. Потерянное, но целое. То, к чему она ещё могла вернуться.

Теперь кто-то в чужом мире внёс эту жизнь в графу будущих поступлений.

— Когда сделана запись? — спросил Аргант.

Внизу стояли дата и две буквы: «Хр.»

Иль наклонился ближе.

— Не моя рука.

— Кто ещё подписывается так?

— Никто.

— Значит, либо вы лжёте, либо в Храме есть второй хранитель.

Старик смотрел на росчерк так, словно видел его впервые.

— Второго быть не может.

— Это плохая формулировка, — сказала Вера. — Мы сегодня уже нашли невесту в договоре, где не было невест. Давайте больше не будем путать «не может быть» с «я не знал».

Аргант закрыл книгу.

— Мы забираем её.

— Нельзя, — сказал Иль. — Пропажу заметят.

— Тогда снимем копию при двух свидетелях и оставим книгу там, где нашли, — сказала Вера. — Если она исчезнет после этого, исчезновение тоже станет доказательством.

Она потянулась за чистыми листами.

Аргант не отдал ведомость.

— Сначала вы поспите.

— Сначала копия.

— Вы не спали ночь.

— Я не доверю эту запись человеку, который называет похищение имущества освобождением обязательств.

— Я и не предлагаю доверять. Я буду сидеть здесь.

— Вы не пишец.

— Я выучил сорок один пункт договора до первого полёта. Думаю, семь строк перепишу.

Вера хотела возразить и не нашла ни одного разумного основания.

— Буква в букву, — сказала она.

— Разумеется.

— Без драконьих сокращений.

— Вера.

— И с указанием расположения на странице.

Он посмотрел на неё поверх книги.

— Вы торгуетесь со мной из-за того, как именно я дам вам поспать.

— Я согласовываю условия.

— Тогда согласуйте ещё одно: завтра вы не пойдёте к Соль одна.

— Я и не собиралась. Вы обещали доставку.

— Я говорил о полёте.

— В нормальном договоре способ исполнения тоже является условием.

Аргант придвинул чернильницу.

— Завтра обсудим систему удержания.

И только когда Иль громко уронил связку ключей, Вера поняла, что дракон произнёс это совершенно серьёзно.

Глава десятая. Условия перевозки

К рассвету Аргант раздобыл седло.

Оно лежало во дворе на двух скамьях и больше всего напоминало кожаное кресло, которое разобрали, снабдили ремнями и приготовились прикрепить к движущейся крыше.

Вера обошла конструкцию кругом.

— Это раньше использовали?

— Нет.

— Испытывали?

— Да.

— На человеке?

Аргант помолчал.

— На мешке с мукой.

— И как мешок?

— Не жаловался.

Вера закрыла глаза.

Кир, стоявший у двери, издал подозрительный звук и быстро отвернулся.

— Ладно, — сказала она. — Условия. Никаких резких поворотов. Никаких попыток показать, как высоко вы можете подняться. О снижении предупреждаете заранее. По моей команде садитесь на ближайшую пригодную площадку.

— Что считается пригодной площадкой?

— Та, после посадки на которую я остаюсь жива.

— Это слишком широкое определение.

— Для первого полёта — в самый раз.

Аргант кивнул так, будто они обсуждали поставку зерна.

— Мои условия. Ремни не расстёгивать. Не вставать. Не тянуть за гребень. Если я скажу пригнуться — не спрашивать почему.

— А если я скажу садиться?

— Сяду.

— Без обсуждения?

— Без обсуждения.

Вера протянула руку.

— Согласовано.

Он посмотрел на её ладонь, потом пожал. Пальцы у него были тёплые — слишком тёплые для прохладного утра.

— Вы всегда скрепляете договоры прикосновением? — спросил он.

— Только те, которые не успела написать.

— Опасный обычай.

— Гораздо безопаснее вашего.

Аргант отошёл к середине двора.

Превращение оказалось не вспышкой и не красивым вихрем. Воздух сжался так резко, что у Веры заложило уши. Человеческий силуэт развернулся во что-то огромное, тёмное и невозможное; камни под лапами просели, по стенам пробежали золотистые отблески.

Дракон поднял голову.

Он был больше дома.

Вера знала это заранее. Она видела Арганта в небе над замком. Но знать размер и стоять рядом с когтем длиной в половину твоей руки — разные виды знания.

— Госпожа Вера, — сказал Кир. — Вы можете передумать.

Голос Арганта прозвучал у неё прямо в голове:

Можете.

Вера посмотрела на горы. Два дня верхом или три часа в воздухе. До срока, который она сама установила, оставалось девятнадцать дней.

— Подставьте лестницу, — сказала она.

Седло закрепили между двумя пластинами у основания шеи. Вера проверила каждый ремень сама. Один потребовала заменить, второй затянуть, а узел на третьем развязала и перевязала под молчаливым взглядом трёх конюхов.

Мешок держался, — заметил Аргант.

— У мешка не было юридического образования.

Теперь понимаю, чего не хватало испытанию.

Когда ремни были застёгнуты, Аргант расправил крылья.

Первый взмах не поднял его. Он поднял весь двор: пыль, солому, чей-то пустой таз и Кира, который успел схватиться за дверной косяк.

Второй оторвал их от земли.

Вера не закричала.

Она просто перестала дышать.

Замок провалился вниз, башни стали игрушечными, дорога — светлой ниткой. Холодный воздух ударил в лицо, и ремни внезапно перестали казаться излишней предосторожностью.

Дышите, — сказал Аргант.

— Я дышу.

Нет.

Она вдохнула и тут же пожалела: от высоты закружилась голова.

Аргант выровнялся. Его полёт почти не ощущался — только размеренные движения мышц под седлом и редкие наклоны, заранее такие плавные, словно он помнил каждое её условие.

Через несколько минут Вера заставила себя посмотреть не вниз, а вперёд.

Горы раскрывались одна за другой. Между ними лежали озёра, слишком синие для воды, и леса, над которыми туман держался отдельными островами. Вдали по снегу двигались две чёрные точки; Аргант повернул голову, и точки поспешно скрылись за гребнем.

— Кто это?

Горные козы.

— Они вас боятся?

Они разумны.

Вера рассмеялась прежде, чем успела удержаться.

Аргант чуть качнул крылом.

— Это был резкий поворот.

Это был порыв ветра.

— Я внесу его в претензию.

Не сомневаюсь.

К середине пути страх отступил достаточно, чтобы Вера заметила другое: голос Арганта в голове звучал ближе, чем обычная речь. В нём не было эха, расстояния, привычной паузы между людьми. Каждое слово возникало там же, где её собственные мысли.

— Вы слышите меня так же?

Только то, что вы говорите.

— А остальное?

Пауза длилась два взмаха.

Иногда чувствую сильное. Страх. Боль. Когда вы злитесь.

— И давно?

С обряда признания.

Вера положила ладони на переднюю луку седла.

— Почему вы не сказали?

Потому что это не даёт мне права входить туда, куда вы меня не звали.

Она молчала.

Над следующим перевалом Аргант начал снижаться. Медленно и после предупреждения. Они сели на плоскую каменную площадку у ручья.

Вера расстегнула ремни, спустилась по крылу и обнару-

жила, что ноги держат её хуже, чем ожидалось.

Аргант успел превратиться и поймал её за локти.

— Система удержания сработала, — сказал он.

— Это уже после перевозки.

— Договор действует до безопасной передачи пассажира земле.

— Кто вам это подсказал?

— У меня был хороший учитель последние одиннадцать дней.

Он не отпускал её. Вера чувствовала тепло его рук даже через рукава, и от этого снова было трудно дышать — теперь без всякой высоты.

— Я стою, — сказала она.

— Вижу.

— Тогда можете отпустить.

Аргант разжал пальцы сразу.

Почему-то именно это оказалось хуже.

Они ели у ручья. Хлеб, сыр, яблоки — Аргант снова предусмотрел еду, а Вера снова сделала вид, что не заметила закономерности.

— Если мы найдём способ открыть проход в ваш мир, — сказал он, — вы уйдёте?

Вопрос прозвучал без подготовки.

— Не знаю.

— Это честно.

— Вы ожидали другого ответа?

— Я ожидал, что вы скажете «это не относится к предмету переговоров».

— Относится. Просто у меня нет данных.

Аргант посмотрел на воду.

— Если проход найдётся, я не стану удерживать вас договором. Ни истинностью. Ни чем-либо ещё.

— Даже если без меня вы истаиваете?

— Теперь мы знаем, что это ложь.

— А если не ложь?

Он повернулся к ней.

— Тогда это моя цена, не ваша обязанность.

Вера одиннадцать лет читала договоры и знала, что самые опасные обещания люди дают легко. Аргант произнёс это без красивых слов, почти сухо, и оттого она поверила сильнее, чем хотела.

— Нам пора, — сказала она.

Вторая часть пути прошла быстрее.

Когда впереди появился чёрный выступ над ущельем, Аргант предупредил о снижении и сделал широкий круг. На камнях лежала старая драконица с матовой серой чешуёй и одним неправильно сросшимся крылом.

Она открыла глаз.

Аргант сел в тридцати шагах.

Вера спустилась, поправила платье и подошла ближе.

— Уходи, — сказала драконица.

— Меня зовут Вера Полунина.

Старая драконица перевела взгляд на Арганта.

— Ты всё-таки привёл невесту.

— Я не невеста, — сказала Вера.

— Все так говорят первые сто лет.

— Я юрист.

Драконица снова посмотрела на неё.

— Хуже, — сказала она и подняла голову.

Глава одиннадцатая. Соль

— Я пришла спросить про Тею, — сказала Вера.

Соль перестала улыбаться.

Аргант остался у края площадки. В человеческом облике он стоял достаточно близко, чтобы вмешаться, и достаточно далеко, чтобы разговор не выглядел допросом двумя против одного.

Вера оценила точность расстояния.

— Тея умерла, — сказала драконица.

— Иль говорит, что Книга не могла записать её смерть.

— Иль много говорит для того, кто триста лет молчал.

— Значит, вы знаете, что с ней произошло.

Соль закрыла глаз.

— Уходи.

— В Книге Договоров написано: «истинная отбыла». В подорожной — что её привезли в Восточные Пределы по решению Совета. В расходах Храма ей триста лет выделяют двенадцать серебряных. Ни в одном документе не написано, что она умерла.

— В документах много чего не написано.

— Поэтому я здесь.

Соль не ответила.

Вера села на камень. Не ближе, чем была, но и не ушла.

Через минуту Аргант тоже сел. Ещё через две достал из

сумки яблоко.

Соль открыла глаз.

— Вы собираетесь ждать?

— Да, — сказала Вера.

— Долго?

— У меня осталось восемнадцать дней до срока, который я дала Арганту. Но он принёс еду, поэтому сегодня мы свободны.

— Я принёс на двоих, — сказал Аргант.

— Будете меньше есть.

Соль издала низкий звук. Камешки у её лапы задрожали.

— Она была такая же, — сказала драконица.

Вера не шевельнулась.

— Тея?

— Всё спрашивала, где написано. Ей говорили: так положено. Она отвечала: покажите, где.

Соль положила морду на лапы.

— Семнадцать лет. Тонкая, злая, волосы до пояса. Её привезли зимой, двое храмовых и Вестар Драххен.

Аргант поднял голову.

— Брат моего прадеда.

— Он был её истинным, — сказала Соль. — И был глуп. Не злой — это было бы проще. Он верил Храму больше, чем собственным глазам.

— Что произошло на обряде? — спросила Вера.

— Тея дочитала до четырнадцатого пункта и отказалась.

Совет сказал, что отказ невозможен. Вестар попросил её подписать, потому что ему сказали: иначе он начнёт истаивать.

— А она?

— Спросила, кто видел хоть одного истаявшего.

Вера опустила глаза.

— Совет попытался забрать имя без договора, — продолжила Соль. — Не получилось. Имя не исчезло и не осталось. После ритуала Книга перестала видеть Тею, но сама Тея не забыла себя.

— Почему её отправили к вам?

— Потому что Вестар не мог на неё смотреть, а Храм не мог оставить рядом с людьми женщину, которая доказывала своим существованием, что четырнадцатый пункт работает не так, как они говорят.

— Вы держали её здесь?

Соль подняла голову.

— Я её растила.

В голосе драконицы было столько металла, что Вера сразу поняла: ещё одно неточное слово — и разговор закончится.

— Простите. Она могла уйти?

— С первого дня. Только идти ей было некуда. Для Храма её не существовало. Для семьи она нарушила волю Совета. Вестар приходил дважды и оба раза просил подписать.

Аргант смотрел в сторону.

— А потом?

— Потом перестал.

— Почему?

— Потому что не истаял, — сказала Соль. — Прошёл год, второй, третий. Он понял, что Тея была права. На четвёртый попросил прощения.

— Она простила?

— Нет.

Вера почему-то посмотрела на Арганта. Он встретил её взгляд спокойно.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь Договор Предгорья. В нём нет невест. Есть человек для обучения языку и переписки. Почему в ваших хрониках через сто лет появляются невесты?

Соль долго молчала.

— Потому что кончились писцы.

— Сами?

— Люди присылали их каждый год. Мальчиков, девочек, взрослых. Они жили у нас по три года, учили язык, писали про мосты, соль и границу. Последним был Мал. Он умер зимой.

— Какого года?

— Четыреста девятнадцатого от основания Храма.

— И его не заменили?

— Весной прислали его дочь.

Вера перестала дышать.

— Тею.

— Тею, — сказала Соль. — Она уже знала язык. Мал учил

её с детства. По Договору она подходила лучше любого.

— Но Храм назвал её невестой.

— Храм объявил, что ученик должен соединять стороны не только языком, но и кровью. Сказали, таково истинное толкование старого слова.

— Какого слова?

Соль произнесла его по-драконьи. Звук был похож на треск льда.

Аргант перевёл:

— «Тот, кто живёт между двумя домами и несёт речь обо-их».

— И это перевели как «невеста»?

— Не сразу, — сказал он. — Так можно назвать и посла, и приёмного ребёнка, и супруга из другого рода. Смысл зависит от следующей строки.

— Которую людям не читали, — сказала Вера.

Соль посмотрела на него.

— Теперь ты понял.

Аргант медленно кивнул.

— Полный текст видели только жрецы. Драконам читали обязанности людей. Людям — обязанности драконов. Пояснения шли отдельно.

— А когда умер единственный человек, который читал обе версии, — сказала Вера, — Храм дал спорному слову выгодное толкование. Тея должна была стать первой новой «невестой», но оказалась истинной Вестара, и её провели

ещё через брачный договор.

— После неё стало правилом, — сказала Соль. — Каждый год присылали девушек. Истинных среди них находили редко. Остальных возвращали или оставляли при Храме. Писцов больше не было.

— И переписка прекратилась.

— Да.

Вера посмотрела на долину далеко внизу.

Двести шестнадцать женщин не появились из обряда случайно. Сначала Храм отнял у двух сторон общий язык. Потом стал единственным переводчиком. Потом превратил перевод в традицию, а традицию — в источник имущества.

Не заговор одного человека. Система, которая росла из одного удобного толкования, пока никто уже не помнил, что когда-то было иначе.

— Где письма первых писцов? — спросила она.

— В нижнем хранилище моего замка, — сказала Соль. — Никто не открывал его после Теи.

— Почему?

— Потому что ключ был у неё.

— А теперь?

Соль разжала переднюю лапу.

На камень упал чёрный железный ключ.

— Теперь он у тебя, юрист.

Глава двенадцатая. Общий язык

Нижнее хранилище находилось внутри скалы.

Ключ Теи открыл дверь не сразу. Вера повернула его вправо, влево, снова вправо и уже собиралась спросить, нет ли у драконов особого смысла слова «ключ», когда Аргант положил ладонь поверх её руки.

— Одновременно нажать, — сказал он.

Замок щёлкнул.

— Это следовало указать в инструкции.

— Инструкцией был человек, который передавал ключ.

— Ненадёжный способ хранения знаний.

— Поэтому вы здесь.

Его рука оставалась на её пальцах ещё секунду после того, как дверь открылась. Потом Аргант отступил, и Вера вошла первой.

В хранилище пахло сухой кожей, пылью и травами. На полках стояли ящики с годами. Не храмовыми датами — годами Договора Предгорья, от первого до сто восьмого.

— Сто восемь лет переписки, — сказала Вера.

— До Теи, — ответил Аргант.

Первые ящики содержали торжественные копии: границы, перечни крепостей, печати родов. Потом начиналась обычная жизнь.

«Предгорье просит перенести облёт на два дня: у Сухого

брода отёл, скот пугается тени».

«Хранитель Веран сообщает, что съел одну овцу без записи, поскольку счёл её бесхозной; готов возместить две».

«Мост у Ветловой пади просит брёвна. Люди дадут работу, драконья сторона — подъём».

Вера читала и чувствовала, как у неё меняется картина четырёхсот лет.

До Храма между сторонами не было согласия. Были овцы, сроки, обиды, неверные меры соли и дракон, который считал двукратное возмещение великодушием. Но они разговаривали.

— Здесь имена, — сказал Аргант.

Он держал список учеников-переводчиков.

Не «писец Предгорья». Не «человек». Сорок семь имён, рядом — годы обучения и пометки драконьих наставников.

«Рем, быстро читает, плохо считает».

«Лада, спорит о каждом слове, оставить ещё на год».

«Мал, слышит оба значения, назначить старшим толмачом».

Последняя запись обрывалась на середине строки.

«Мал умер зимой сто восьмого года Договора. До назначения нового толмача переписку вести через...»

Дальше лист был оторван.

— Через кого? — спросила Вера.

— Неизвестно.

— Нет, известно. Через Храм. Вопрос — было ли это на-

писано здесь или добавлено потом.

Они нашли копию устава толмачей в следующем ящике. В нём прямо говорилось: если старший умирает, его обязанности временно переходят к старшему ученику.

— Старшим учеником была Тея, — сказал Аргант.

— Значит, после смерти отца она должна была вести переписку. Храм не заменял пустое место. Он убрал законного переводчика.

Вера разложила рядом три листа: список учеников, устав и запись Соль.

— Теперь последовательность доказана. Тея получила должность по старому порядку. Храм назвал её невестой по новому толкованию. Она отказалась от брачного договора, и вместе с её именем исчез человек, который мог сказать обеим сторонам, что перевод изменили.

— Почему драконы не заметили?

— Потому что вам продолжали присылать человека, как и написано. Только называли его иначе. А люди не читали ваш текст и верили Храму.

Аргант сел на край каменного ящика.

— Мы могли спросить.

— Могли.

— Мой род ставил печати.

— Ставил.

— Вы умеете утешать хуже, чем летаете.

— Я прекрасно летаю. Я ни разу не упала.

Он рассмеялся — коротко и неожиданно. Эхо ушло под своды.

Вера улыбнулась, но почти сразу стала серьёзной.

— Аргант. Я не говорю это, чтобы обвинить вас. Я говорю, потому что новый договор не получится, если каждая сторона придёт доказывать только свою невиновность.

— А вы придёте доказывать виновность Храма.

— Нет. Я приду доказывать, что Храм не сторона и не может говорить вместо тех, кто подписал.

— Даже после того, что они сделали?

— Особенно после. Если мы построим всё на поиске злодея, Совет сменит трёх жрецов и оставит механизм. Мне нужно вернуть людям и драконам общий язык. Тогда механизм перестанет работать сам.

Аргант смотрел на неё так долго, что Вера первой отвела взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Это не ответ.

— Вы сказали «мне нужно вернуть», — произнёс он. — Не «им».

— Рабочее местоимение.

— Разумеется.

Она вернулась к ящикам.

В самом дальнем лежали личные тетради учеников. По правилам их не отправляли в Предгорье: это были упражне-

ния, словари и ошибки.

Тетрадь Теи нашлась по почерку — твёрдому, угловатому, с исправлениями на каждом поле.

На первой странице она выписала спорное драконье слово и семь возможных переводов:

толмач;

посол;

воспитанник другого дома;

тот, кто соединяет речь;

супруг из чужого рода;

заложник мира;

мост.

Последний вариант был обведён дважды.

На обороте Тея написала на общем языке:

«Отец говорил: когда слово имеет семь значений, нельзя выбирать самое удобное. Нужно читать, что стороны делали после подписи. Первые сто восемь лет они присылали толмачей. Значит, договор требует толмача».

Ниже стояла другая запись, сделанная позже и другой рукой:

«Толкование утверждено Советом: невеста».

Под ней — печать Храма.

Аргант провёл пальцем рядом, не касаясь бумаги.

— Этого достаточно?

— Чтобы доказать изменение толкования — да. Чтобы вернуть имена — нет.

— Что ещё нужно?

— Показать, что Тея была уполномочена говорить за людей после смерти отца. У нас есть устав и список, но Совет скажет, что ученическая запись не подтверждает назначение.

— Кто может подтвердить?

Вера посмотрела в сторону выхода.

— Соль. И Книга гнезда, если Тея в ней записана.

Они вернулись на площадку к вечеру.

Соль лежала на прежнем месте.

— Нашли? — спросила она.

— Нашли тетрадь Теи, — сказала Вера. — И печать Совета под словом «невеста».

Соль закрыла глаза.

— Я хочу попросить ещё об одном.

— Конечно. Люди всегда хотят ещё.

— У вас есть Книга гнезда?

Аргант резко посмотрел на Веру, но промолчал.

Соль не шевельнулась.

— Кто тебе сказал?

— Никто. В драконьих хрониках нет человеческих имён, но Тея прожила у вас несколько лет. Если вы считали её своей воспитанницей, официальная хроника могла её не увидеть. Домашняя запись — могла.

— Книга гнезда не для советов.

— Я понимаю.

— Не понимаешь.

Соль подняла голову.

— В ней триста имён. Большинство мёртвые. Я читаю её, когда не могу спать. Ты хочешь унести их в Храм, чтобы жрецы спорили о почерке и ставили печати на полях.

Вера почувствовала первый порыв возразить и остановила себя.

— Вы правы, — сказала она.

Соль моргнула.

— Я не подумала, чем эта книга является для вас. Простите.

Она убрала тетрадь Теи в футляр.

— Не отдавайте книгу. Перепишите одну строку. Только запись о Тее, своей рукой. Остальные имена останутся здесь.

Соль молчала так долго, что солнце коснулось края ущелья.

Потом вытянула коготь.

— Дай кожу и резец.

Аргант достал их из сумки. Вера посмотрела на него.

— Вы знали, что понадобится?

— Я живу среди договоров дольше вас.

— Но читаете их хуже.

— Поэтому взял с запасом.

Соль писала медленно. Закончив, подтолкнула полосу кожи Вере.

«Тея, дочь Мала. Принята в гнездо зимой сто девятого года Договора, семнадцати лет. Старшая ученица и толмач

*Предгорья. Ушла через шесть лет своей волей. Писала до
сто шестидесятого года. После не знаю».*

Вера перечитала дважды.

— Она ушла?

— Да.

— Куда?

— К людям.

— И писала вам сорок пять лет?

— Девять писем.

— Они сохранились?

Соль посмотрела на неё тяжёлым старым взглядом.

— Восемь — мои.

— А девятое?

Драконица раскрыла другую лапу.

На камне лежал сложенный лист.

— Девятое она написала тому, кто однажды придёт спра-
шивать, — сказала Соль. — Я думала, никто не придёт.

Глава тринадцатая.

Девятое письмо

Письмо Теи было адресовано не Соль.

На внешней стороне, под стёртой перевязью, стояло: *тому, кто снова спросит, где написано.*

Вера прочла эту строку дважды, прежде чем развернуть лист.

Соль отвернулась к ущелью. Аргант сел у дальней стены площадки и положил руки на колени, будто заранее показывал: читать через плечо не станет.

Меня зовут Тея, дочь Мала. Я родилась в девяносто втором году Договора. Отец был старшим толмачом Предгорья. После него старшей ученицей была я.

Ниже драконьи знаки становились неровнее. Тея писала на языке, выученном не с рождения, и иногда оставляла между словами место, словно сначала мысленно составляла фразу по-человечески.

Отец умер зимой сто восьмого года. По уставу я должна была принять его ключ и вести письма до назначения нового толмача. Храм сказал, что женщине нельзя говорить от имени Предгорья. В уставе такого нет.

Вера остановилась.

— У неё был ключ, — сказала она.

— Был, — ответила Соль, не оборачиваясь. — Тот, которым ты открыла хранилище.

Вера продолжила.

Весной меня привели к Совету. Мне сказали, что старое слово в Договоре означает не ученика-переводчика, а невесту из человеческого рода. Я попросила показать строку после него. Мне показали чистовую человеческую копию. В ней было сорок пунктов.

Я знала, что у отца было сорок один.

Аргант поднял голову.

— В нашей копии сорок один, — сказал он.

— Я знаю. И Тея знала.

Меня повезли к Драххенам как исполнение Договора Предгорья, а потом дали второй договор — брачный, из двадцати трёх пунктов. Это разные договоры. Если вам скажут иначе, не верьте.

Вера почувствовала, как кожа под пальцами стала влажной.

Тея триста лет назад оставила предупреждение ровно о той путанице, в которую едва не попала сама Вера.

В четырнадцатом пункте брачного договора было написано, что через год моё имя станет именем рода мужа. Я спросила, останется ли оно моим. Мне ответили, что это одно и то же. Тогда я не подписала.

Вестар просил. Он верил, что без подписи умрёт. Я спросила, видел ли он хоть одного умершего. Он не видел.

Аргант смотрел на лист так, словно каждое слово было обращено к нему.

Совет попытался внести меня в Книгу без подписи. Книга перестала меня узнавать, но я себя не забыла. После этого меня отправили к Соль. Она показала мне драконью копию Договора Предгорья.

Сорок первый пункт говорит: договор пересматривается не чаще одного раза в сто лет по письменному требованию любой стороны. Требование нельзя отклонить.

В человеческой чистовой копии сорок первого пункта нет. В старом подписанном листе он был. Отец показывал мне оборот последнего листа, потому что там стояла печать Драххенов.

Вера опустила письмо.

— Не украли пункт, — сказала она. — Переписали договор и не перенесли последний лист.

— Или не захотели переносить, — произнёс Аргант.

— Пока у нас нет доказательства умысла.

— У вас всегда есть эта фраза?

— Она экономит много костров и неправильных казней.

Соль коротко фыркнула.

На последней части листа почерк Теи был увереннее.

Я ушла от Соль своей волей. Вестар не истаял. Через четыре года он просил прощения. Я не простила, но записала, что он пришёл, потому что правда не должна зависеть от того, нравится мне человек или нет.

У меня есть дочь. Если Храм снова потребует невесту, ищите не мою кровь, а старый подписанный Договор. Кровь ничего не доказывает. Подпись доказывает, что сторона согласилась.

Если ты читаешь это, проверь три вещи: сколько пунктов в человеческой чистовой копии; что написано на обороте старого последнего листа; кто назван сторонами в первом пункте.

Не спрашивай, кто виноват. Спроси, кто получил право говорить за всех, когда умер последний толмач.

Тея, дочь Мала, бывшая старшая ученица Предгорья.

Ниже стояла приписка другой рукой.

Прочитано Соль. Смысл передан верно.

Вера сложила письмо по прежним сгибам.

— Это не просто воспоминание, — сказала она. — Она оставила порядок проверки. Три документа, которые существуют независимо друг от друга.

— И требование пересмотра, — сказал Аргант.

— Его должна подать сторона.

— Мой род — сторона.

Вера посмотрела на него.

— Вы готовы потребовать пересмотра договора, который четыреста лет поддерживает власть вашего рода?

— Этот договор не поддерживает власть моего рода. Его толкование поддерживает власть Храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.